

Очевидно, что ни в одном из языков нет полного отражения исконности, так как существующие акцентологические отношения таковы, что их невозможно уложить ни в какие рамки закономерности.

Предположив акутированную интонацию суффикса *-*et-* внутри слова, мы тем самым должны предположить здесь действие закона Фортунатова-де-Соссюра, но это предположение не оправдывается наличным материалом: например, в сербском языке, в герцеговинской штокавщине и чакавщине, в косвенных падежах ударение сохраняется на первом слоге, несмотря на его циркумфлектированную интонацию (род. ед. *прáсета*, *ждрёбета*, так же как *ја́гъета*, *ја́рета*), в то время как в русском и украинском языках и в озриничском говоре сербской штокавщины суффикс ударен в формах с акутированным корнем при достаточно хорошо засвидетельствованной исконности накоренного ударения (русс. дат. мн. *ягнѣ́тамъ*, так же как *поросѣ́тамъ*).

Обратное предположение, т. е. допущение циркумфлектированной интонации суффикса *-*et-* в рассматриваемом положении, тоже не уничтожает затруднения, так как тогда делается вообще невозможным закономерное ударение на нем: в этом случае ударение должно было в определенную эпоху отойти на начальный слог, согласно закону Шахматова-Лескина.

Выход из положения дает закон Белича, который выше уже сыграл важную роль при решении другого вопроса.

Уже было указано, что им.-в. мн. основ на *-*et* принимал участие в общеславянской метатонии наряду с почти всеми категориями имен среднего рода. При этом нужно отметить, что в рассматриваемой категории нет наконечного ударения в им.-в. мн. ни в одном из славянских языков (не могу придавать значение посавским новообразованиям, вроде *drvetā*, *čebetā*, *dugetā*, тем более, что посавский говор не мог дать для них образца из исконных консонантных основ на *-*et*, не имея для этой категории парадигмы множественного числа); и это положение удерживается, несмотря на существующее в некоторых языках стремление расширить область окситонирования им.-в. мн. среднего рода за счет других типов ударения. Так, например, в русском языке имеем *семенá*, *именá*, *делá*, *летá*, *местá*; вторичность трех последних форм в русском языке вполне доказана Л. Васильевым в рецензии на работу Кульбакина «К истории и диалектологии польского языка» (ЖМНПр. авг. 1904). Васильев, указывая, что еще в начале XIX в. произношение *лѣта* было обычно, приводит ряд примеров из Тютчева, Грибоедова, Пушкина, Измайлова; то же ударение он отмечает у писателя XVIII в. Василия Майкова, например, *не лѣтами велик, лѣта* — мн. ч., по *лѣтам*; у него же по *прáвам*, их *прáва* (ср. сербск. *право*). Интересна дальнейшая ссылка Васильева на первопечатные